

Сазонов Сергей Дмитриевич

Преображение России

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Сазонов Сергей Дмитриевич

Преображение России / Сазонов Сергей Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 194 с.

ISBN 978-5-4241-1774-9

В книгу вошли воспоминания Сергея Дмитриевича Сазонова (1860-1927), министра иностранных дел Российской империи с 1910 по 1916 г. Надеемся, что свидетельства очевидца о тех сложных годах будут весьма интересны современному читателю.

ISBN 978-5-4241-1774-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Лютая зима (Преображение
России - 9)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Лютая зима

Роман

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Содержание

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая

Глава пятнадцатая

Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая

Глава двадцатая

Глава двадцать первая

Глава двадцать вторая

Глава двадцать третья

Глава двадцать четвертая

Глава двадцать пятая

Глава двадцать шестая

Глава двадцать седьмая

Глава двадцать восьмая

Глава двадцать девятая

Глава тридцатая

Глава тридцать первая

Глава тридцать вторая

Глава тридцать третья

Глава тридцать четвертая

Глава тридцать пятая

Глава тридцать шестая

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это так часто случается в жизни, - точнее, из этого только и состоит жизнь: возникает яркая и твердая, совершенно бесспорная мысль: "Надо сделать так!" -

и тут же тысячи других мыслей, - подсобных, рабочих, - ретиво, как весенний рой пчел, начинают строить свой план действий.

Иногда на это уходит много времени и средств, но когда все построено и готово, окажется вдруг, что и мысль была вздорной и незрелой, и план нелеп, и средства затрачены напрасно, потому что не стоит на месте и не ждет жизнь, а движется бурно и на ходу перехватывает все яркие мысли, у кого бы они ни возникли, и строит свои планы, и приводит в действие свои силы...

Когда пехотному полку, в котором командовал десятой ротой прапорщик Ливенцев, приказано было в спешном порядке грузиться в вагоны, этот приказ шел совершенно вразрез всему, что знал о своем будущем полк.

Приказ был получен в самом конце ноября пятнадцатого года, но все время, с начала войны, полк неотрывно смотрел на юг, на Черное море; так было и в Севастополе, когда полк был еще в стадии гусеницы, - ополченской дружиной, - зауряд-полком; так было и долго потом - то в Одессе, то в Херсоне, где он стоял теперь. Особенно твердо в последнее время знал о себе полк, что будущее его таится где-то там, за морем, на берегах Турции или Болгарии, успевшей присоединиться не к державам Антанты, а к союзу центральных держав.

И вдруг одна бумажка с загадочной надписью в правом верхнем углу: "Весьма секретно" - круто поворачивала все его помыслы с юга на север, с синей зыби моря на прочную рыжую осеннюю землю, щедро изрезанную окопами.

- Позвольте, - как же это так и что это такое? Нет ли тут просто ошибки в адресе? - отнюдь не шутливо, хотя и с обычной для себя улыбкой, спрашивал Ливенцев полкового адъютанта, тоже прапорщика, но прошедшего через школу прапорщиков, - художника по своей штатской профессии, - Ваню Сыромолотова.

Массивный Сыромолотов, одно время имевший звание чемпиона мира по французской борьбе, отвечал на это не по-молодому, философски-спокойно:

- Начальство знает, что оно делает.

- Но ведь у нас с вами были такие прекрасные возможности, оккупация поэтического Стамбула, а? Или долгая стоянка в Казанлыкской "Долине роз", и вдруг... вдруг все идет прахом? - отнюдь не весело шутил Ливенцев.

- Нисколько не "вдруг" и не "прахом"... Отчего нам не приехать в ту же "Долину роз" по железной дороге, тем более что ведь и штормы зимой на море бывают, - пытался отшутиться Ваня. Но голос его не звучал успокоительно, и Ливенцев видел, что на этот раз адъютант полка так же мало понимал в намерениях высшего начальства, как и он.

Однако, не отходя от Вани, он продолжал думать вслух:

- Чтобы попасть в Болгарию по суше, надо проехать через Румынию, которая пока еще нейтральна и нас, конечно, не пропустит.

- Что же, что сегодня нейтральна? Завтра она может быть и за нас, и отлично мы через нее проскочим, да еще и румын с собою прихватим малую толику... ясно?

Ваня смотрел на Ливенцева, с которым в последнее время довольно близко сошелся, добродушными, хотя и усталыми от бесконечной канцелярской работы глазами, и Ливенцев отозвался:

- Ясно мне, что гадаете на кофейной гуще, как и я, грешный.

А бывший тут же, в канцелярии полка, и тоже ротный командир двенадцатой

роты - подпоручик Кароли подхватил оживленно:

- Кофейная гуща, вы сказали? Правильно, - накажи меня бог! Именно кофейная гуща и поможет нам узнать, куда именно нас гонят. Если мы с вами зайдем в любую кофейню, то там любой котелок очень точно нам скажет, куда именно нас повезут на убой! Накажи меня бог, если мы от них не узнаем даже, в какой именно день нас с вами ухлопают... эти...

Определение "этих", то есть германцев, вышло у Кароли настолько витиевато и многокрасочно и до такой степени совершенно неудобно для печати, что появившийся как раз в это время в канцелярии из своего кабинета, с кучей бумаг в руке, командир полка, молодой полковник, генштабист Ковалевский, сказал ему, улыбаясь:

- Послушайте, поручик, - ведь вы же грек!

- Так точно, - ответил Кароли, не понимая, к чему вопрос.

- По отцу и по матери?

- И по матери тоже грек.

- Так откуда же это вы, грек, так здорово знаете русский язык? Ведь такое совершенное знание русского языка можно всосать только с молоком матери.

- А куда мы едем, господин полковник? - спросил Ливенцев, видя, что командир почему-то настроен не хмуро.

- Едем, я так думаю, в Одессу... Сначала в Одессу, а там, - куда прикажут, - быстро ответил Ковалевский.

- Почему же не морем, если в Одессу?

- Должно быть, ожидается шторм, - очень просто. А вот, - веером развернул он свои бумаги, - только что получены карты берегов Болгарии, возьмите, будете изучать их в вагоне, а пока спрячьте, некогда.

И всем офицерам, которые оказались тогда в канцелярии и подошли к Ковалевскому, он весело роздал те же карты, добавив:

- Карты берегов Турции, господа, вы тоже получите. И кое-какую литературу по вопросам десанта. Но только, господа, теперь в особенности будьте начеку и языки держите за зубами! Полное сохранение тайны похода вот что от вас требуется. Никому, даже из домашних, не только женщинам, ни слова! Едем, да, - а куда? Куда начальство прикажет. Шпионаж у наших противников поставлен великолепно, - на этом они собаку съели. Вы нищему калеке на улице подали, а он, может, - самый настоящий шпион на жалованье. Больше же всего, господа, бойтесь вы говорить с женщинами! Вы скажете, что это вы и без меня знаете отлично. Не сомневаюсь, однако и самое лучшее знание не мешает освежать в памяти. Женщина устроена так, что и хотела бы, да положительно не в состоянии не разболтать того, что она узнает. А на фронте на каждую женщину смотрите как на шпионку... А насчет нашего полка я должен вам сказать, что он лицом в грязь не ударит. За эти несколько месяцев моего командования полком мы с вами проделали огромную работу, и поверьте мне, что полк наш подготовлен не хуже любого кадрового полка начала войны, да, да! Но когда я говорю - "не хуже", то это просто излишняя и ненужная скромность. Он подготовлен гораздо лучше любого из кадровых полков, потому что усвоил годовой опыт войны. Я говорю это вам потому, что видал много кадровых полков начала войны и сам несколько месяцев провел на фронте. Наши люди только что не обстреляны, но это, господа, до первого боя, до первых потерь от огня. Что полк наш будет из лучших

пехотных полков, а отнюдь не из худших, в этом уж поверьте моему опыту. А теперь касательно ближайшего, что нам предстоит: посадки нижних чинов в вагоны. Об этом вы прочитаете завтра в приказе по полку, но несколько слов я считаю нужным сказать вам сейчас...

Полковник Ковалевский говорил так довольно долго. Он вообще говорил охотно, без всяких видимых усилий находя нужные слова.

Это был человек большой энергии, сразу поставивший ротные, батальонные и полковые учения так, что даже и прапорщик Ливенцев, вообще склонный очень взыскательно относиться и к себе и к людям, не мог найти в нем сколько-нибудь крупных недостатков.

Правда, полк при Ковалевском попал чуть ли не сразу на лагерную службу, которая и в полках мирного времени очень резко отличалась от казарменной, зимней, однако эта служба вся целиком была приурочена к идущей теперь войне и тем становилась осмысленней; даже во время стрельбы по мишеням введено было, как строгое правило, мишени называть "неприятелем". Очень часты были двусторонние маневры, ночные тревоги. Самим командиром полка муштровались команда связи и команды пеших и конных разведчиков, причем команда пеших разведчиков не уступала в числе конной, - до ста человек в каждой; набрана была и учебная команда, готовившая унтеров. Солдат учили многому: не только копать мелкие и глубокие окопы и землянки, метать ручные гранаты, резать колючую проволоку ножницами и рубить ее топорами, но и плести фашины из хвороста и маты из соломы и камыша.

Ковалевский не раз и вполне искренне жаловался, что стоянка полка неудачна, потому что кругом ровные поля, и нельзя было показать ни молодым офицерам, ни солдатам, как ведется бой в пересеченной местности и в лесу, днем и ночью.

Однако и выправкой, и строем, и ружейными приемами тоже занимались в полку, потому что, как объяснял Ковалевский, "солдат всегда должен чувствовать себя солдатом, а не каким-то буром-партизаном; только тогда он может выдержать современный бой".

И громоздкий Ваня Сыромолотов сделался адъютантом полка по его приказу.

Ливенцев попробовал было заметить тогда:

- Господин полковник! Ведь он - бывший чемпион мира, и вдруг вы его - в адъютанты! Это все равно что Геркулеса посадить за прятку.

Но Ковалевский ответил ему очень живо:

- Вот потому-то я его и назначаю адъютантом! Чтобы быть адъютантом в полку, на фронте, нужно быть именно чемпионом. А человек средней силы не вынесет адъютантства, не-ет! Адъютант полка на фронте должен быть чугунным.

А так как Ваня не умел ездить верхом, то Ковалевский сам иногда учил его этому искусству, выбрав для него из полкового конского состава наиболее прочную лошадь, кобылу Весталку, прозванную так за то, что не подпускала к себе жеребцов.

Ваня Сыромолотов сразу стал любимцем командира полка: не за то только, что он был несокрушимо могуч. Ковалевский, как оказалось, увлекался живописью, и иногда, между делом, в его кабинете вспоминались имена художников -

французских, испанских, шведских.

Однажды летом, после сильных дождей, ротная повозка десятой роты по ступицы увязла на грязном проселке, так что пришлось самому Ливенцеву и полуротному его, прапорщику Малинке, помогать ее вытаскивать. Полковник Ковалевский, ехавший сзади верхом, заметил это.

- Николай Иваныч! - крикнул он Ливенцеву. - А, правда, ведь похоже на то место из "Анабасиса" Ксенофонта, когда - помните? - колесница Кира завязла в степной грязи, и вельможи, в великолепных своих одеждах, бросились ее вытаскивать, - хватались за колеса руками и, конечно, выпачкались, как черти!.. Вот то же с вами будет и на фронте, - это вам репетиция. Учитесь!

Ливенцев помнил это место в "Анабасисе", но удивился, что его знал и Ковалевский. Как-то в другой раз за общим обедом в офицерском собрании Ковалевский удивил его снова цитатой из весьма древнего греческого поэта, пессимиста Гиппонакта-эфесца:

Жена лишь два дня тебе может приятно быть:

В день свадьбы и в день, когда будут ее хоронить.

Сам он был холост.

Не раз приходилось слышать Ливенцеву от Ковалевского, что он доволен им, как доволен и всеми прапорщиками полка; что эта война - война прапорщиков, что если мы в конечном итоге проиграем войну, то это будет значить только одно: что интеллигенция наша вообще ни к черту не годится.

Ливенцев и сам видел, что прапорщики в полку Ковалевского служили ревностно, что создавался как бы культ этой не службы даже, а работы по военной подготовке полка, несмотря на то, что летом пятнадцатого года, когда велась эта работа, все они - прапорщики совсем молодые и прапорщики средних лет - день за днем пили из смертного кубка известий с фронтов - о разгроме наших галицийских армий Макензеном, о разгроме наших западных армий Людендорфом.

Полк был трехбатальонного состава. Батальонами командовали пожилые капитаны, животы которых, как они ни старались их подтягивать, коварно лезли вперед, когда они стояли в строю; однако и капитаны эти тоже тянулись, потому что Ковалевский не любил сидеть в канцелярии, и высокий и звонкий голос его слышен был во всех концах плаца.

Как-то Ливенцев сказал своему батальонному, капитану Струкову:

- Да, если уж идти на позиции, так идти с таким командиром, как наш: похоже на то, что он себя жалеть не будет.

- А нас с вами? - подмигнул Струков серым глазом и почесал коротким пальцем в редкой бороде.

- Нас с вами жалеть он, конечно, тоже не будет, но по крайней мере он не дурак и дело свое знает, - надо отдать ему справедливость.

- Мо-мен-тик! Стаж проходит... Мы с вами так и подохнем: я - капитаном, вы - прапором, а он на нас генеральство заработает! Карьеру себе сделает!

- Гм... А мне кажется, что если бы были у нас генералы молодые и сведущие и себя не жалеющие, все-таки с такими легче было бы умирать, кротко заметил Ливенцев.

Струков посмотрел на него прищурясь, чмыкнул и потянул круглым носом, выпятил губы, качнул головой и сказал еще более кротко, чем он:

- Умирать что ж, - можно и умереть... не мы первые, не мы последние...

Только бы перед смертью тебя по матушке не обругали... А такой, как наш командир, вполне и это может сделать.

Что Ковалевский был горяч, это и Ливенцеву приходилось наблюдать часто, но он видел в то же время, что в этом командире, как в капельмейстере огромного трехтысячного оркестра, живут все звуки полковой симфонии, и каждый неверный тон, откуда бы он к нему ни донесся, заставляет его вздрагивать, поднимать плечи, быстро поворачиваться в сторону того, кто сфальшивил, и делать негодующие глаза.

Однажды Ливенцев спросил при случае Ковалевского: почему он, полковник генерального штаба, не добивался получить себе полк, уже имеющий военные традиции и заслуги и, главное, опытный командный состав, а взял такой во всех отношениях зеленый полк, целиком состоящий из ратников ополчения.

Ковалевский не удивился вопросу, но ответил не сразу. Он спросил его в свою очередь:

- Вы собак для охоты дрессировали?

- Нет, я вообще не охотник.

- Значит, мое сравнение вам покажется, может быть, не относящимся к делу. Однако это так: хороший охотник дрессирует собаку сам, а если получит от кого-нибудь дрессированную, всегда найдет в ней много недостатков. А переучить ее уже нельзя. Но ведь это же только собака, а не полк, не тысячи людей, из которых я должен знать чуть ли не каждого, - на что он способен, чтобы мог я ручаться за всех. Это одно. Кроме того, я имел в виду и то, что попадаю в свежую армию, еще не истрепанную и которую решено было снабдить всем необходимым, даже тяжелой артиллерией и даже, что гораздо важнее, снарядами к ней. А еще, кроме того, я знаю, что командует нашей седьмой армией не кто-нибудь, а Щербачев, бывший начальник академии генерального штаба, человек очень серьезный и знающий, был уже командармом одиннадцатой. Начальник штаба у него - Головин, прошел курс и французской академии, не только русской; кроме него, в штабе генерал Романовский - порт-артурец, Незнамов - профессор тактики... Такому штабу я верю. А армия должна строиться не на одной только голой дисциплине, а еще и на доверии младших к старшим, а старших к главнокомандующим Наполеону верили? Верили. Потому-то за ним и шли на Москву. Аннибалу верили? Верили. Потому за ним и шли через Пиренеи и Альпы на Рим. Думаете ли вы, что я, например, способен сделать какую-нибудь крупную... как это выразиться... оплошность там, на фронте, где мы с вами в скором времени будем?

Ковалевский повернул к Ливенцеву голову и посмотрел на него очень внимательно. Так как они были одного роста (выше среднего), то глаза его, зеленоватые и несколько глубоко сидящие, пришлись вровень с глазами Ливенцева. Ливенцев изучающе смотрел на его тугое бритое лицо с римским носом, лицо очень молоджавое, по которому нельзя было дать ему тридцати восьми лет, и медлил с ответом.

- Говорите прямо, не стеснясь.

- Я не умею говорить не прямо, - сказал Ливенцев, - думаю я, что оплошности вы не сделаете, хотя случайности могут быть всякие. Кроме того, мне почему-то кажется, что вы из тех, которым везет во всякой игре; повезет и в этой.

- Вам еще и это кажется? - довольно улыбнулся Ковалевский. - Что такое

"везет", пытливая человеческая мысль пока еще не осветила, но кому везет, тому бывает приятно.

Ливенцев наблюдал своего командира и на смотрах, которые, как известно, способны иногда многое сокровенное делать явным. Но и на смотрах, - а их было несколько за лето, - Ковалевский держал себя очень уверенно, без малейшей тени суетливости, может быть, только заметней подчеркивая ту молодцеватость, которая вообще была ему свойственна.

После каждого смотра обыкновенно объявлялась благодарность полку в приказах по дивизии или по корпусу, но сам Ковалевский всегда находил, что было "из рук вон плохо" и на что надо было "приналечь".

Он совершенно изгнал из полка те песни, какие, бывало, певали ратники дружины. Песни теперь пелись только веселые, иногда даже озорные, и обучать этим песням призван был любимец Ковалевского - начальник связи, прапорщик Шаповалов, певец, балалаечник, остряк и записной анекдотист, - в прошлом студент-электротехник.

- Солдат должен быть веселым, когда он не в строю... Домашние мысли и в дорогу не годятся, а тем более в бой... Ротные командиры, имейте в виду, что веселая песня там, на фронте, гораздо больше значит, чем все ваши наставления и команды!

Это не раз приходилось слышать Ливенцеву от Ковалевского, и заметно было, что обилие в полку молодых и по самой натуре своей пока еще не способных унывать прапорщиков явно нравилось молодому командиру.

Но от старой дружины остался ему в наследство полковой священник, иеромонах о.Иона Сироштан, при виде которого Ковалевский хмурился, морщился, передергивал ноздрями и, если представлялась к тому возможность, всегда уходил поспешно. Находил ли он, что присутствие в боевом полку духовного лица, назначение которого беседовать с богом, совершенно излишне? Нет. Но от этого духовного лица обыкновенно исходил такой необычайно крепкий и густой чесночный запах, что Ковалевский не в состоянии был его вынести.

Он пробовал было как-то отдаленно намекнуть о.Ионе, что чеснок имеет такую гнусную, отнюдь не для всякого приятную особенность, что... Но, держась за наперсный серебряный крест своей левой рукой, а правой стыдливо прикрывая рот, бубнил о.Иона:

- Сознаю это, вполне сознаю я, господин полковник, но привычка к этому овощу велика... и даже непреодолима! Борюсь с нею, сколько могу, однако успеха в этом не имею.

Так как на фронте он должен был совершать переходы с полком неразлучно, а по сану своему от пешего хождения был избавлен, то его обучали верховой езде. Часто можно было видеть на заднем дворе казарм в вечерние часы, как по вытопанному копытами кругу гарцевали один за другим: монументальный Ваня Сыромолотов, веселый прапорщик Шаповалов, кое-кто из ротных командиров и непременно о.Иона, которому доставалось больше всего ядовито-дружеских замечаний от обучавшего их начальника команды конных разведчиков, поручика Гнедых, человека лет тридцати двух, калмыцкого облика, длиннорукого и длинноногого.

Гнедых был лихой наездник и держал свою команду строго в руках. Голос у него был с хрипотой, но безукоризненно начальственного тембра, какого не

удавалось добиться у себя никому из прапорщиков, командиров рот. К ним Гнедых относился затаенно-презрительно, в споре с ними часто выходил из себя, и тогда маленькие черные глазки его становились розовыми, как у соболя или хорька, а губы белели, голова вытягивалась в плечи, а корпус подавался вперед, точно он хотел сделать хищный прыжок, и видно было, каких усилий стоило ему бормотнуть сквозь зубы: "Если б вы не были в одном со мною полку"... и отойти в сторону.

По каким-то, ему одному известным, причинам Ковалевский считал поручика Гнедых отъявленным храбрецом, который на фронте и себя покажет и не один раз выручит полк.

Но особенно ценил полковник подпрапорщика Лукина, присланного в порядке укомплектования полка младшим командным составом, когда полк был еще в Севастополе. Кавалер всех четырех степеней солдатского Георгия, Лукин действительно был, что называется, бравого вида. Родом откуда-то из северных губерний, большелобый крепыш, с острыми глазами лесного охотника, он был в полку начальником команды пеших разведчиков, и в команде его были отборные люди, большей частью охотники, звероловы, рыбаки, люди, привыкшие промышлять по ночам, отличные стрелки. На смотрях команда разведчиков ставилась Ковалевским на правом фланге, как глаза и уши полка, а об ее начальнике он говорил неизменно:

- Самородок! Настоящий и подлинный военный талант! После первого же боя, уверен, придется мне представлять его к офицерскому чину!

В команде пеших разведчиков числились и двое ребят, увязавшихся с полком из Севастополя: раскосый и несколько мрачноватый Демка Лабунский и вечно сияющий и румяный Васька Котов. Уже неплохие пулеметчики и довольно приличные наездники, оба уже успевшие истрепать порядочно рубахи и шаровары защитного цвета, выданные им летом, они исправно несли нелегкую службу разведчиков.

Ковалевский на смотрях козырял ими, говоря генералам:

- А это наша полковая надежда - Демка и Васька: пулеметчики!

Лихой вид ребят вызывал у генералов неизменно снисходительные улыбки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

У одного из прапорщиков, командира седьмой роты, Хрящева, бывшего землемера на земской службе, плотного, речистого, с лысиной во все темя, сошлись вечером в этот день пять прапорщиков, командиров рот, - между ними был и Ливенцев.

Хрящев жил здесь с женою, которая не могла обходиться без общества; кроме того, у него всегда водилось вино, которое считалось запретным, но исчезло из бакалейных и винных лавок только для тех, кто не делал и шагу, чтобы его найти.

Хрящева звали Иван Иванович, его жену Анна Ивановна, и в полку говорили, что седьмой ротой командуют Иванычи. Анна Ивановна действительно вникала во все мелочи ротного хозяйства. Домашнее хозяйство ей давалось гораздо хуже, и она говорила о себе, что не умеет ни огурцов солить, ни яблоков мочить, ни грибов мариновать, и что вообще у нее "нет никакого аппетита возиться с кухней".

Она очень легко носила свое крупное тридцатилетнее тело, и походка у нее